

П.Н. Базанов

Н.И. УЛЬЯНОВ

Николай Иванович Ульянов (1904—1985) — виднейший представитель русской исторической науки в эмиграции. Его эссе по философии истории считаются образцом осмысления и развития исторической науки в русской эмиграции.

Ульянов был уроженцем нашего города, первоначально учился у В.Э. Мейерхольда в «Курсах мастерства сценических постановок» (Курмасцеп). Желание стать режиссером привело его в Мариинский театр, но закулисная атмосфера оттолкнула будущего историка.

В 1992 г. Ульянов поступил на историко-филологический факультет Петроградского Университета. Он был хронологически последним учеником профессора С.Ф. Платонова. Ульянов посещал лекции и семинар известного ученого. Таким образом, молодой историк был приобщен к той школе, которая сложилась в Петербургском университете в 70-80 гг. под руководством К.Н. Бестужева-Рюмина.

Платоновский семинар, как вспоминал Ульянов, оставался особенным, был своего рода оазисом, где студент посвящался в тайны научного исследования. «Тайн», собственно, никаких не было, но не было манеры некоторых профессоров «кормить с ложки», — давать советы, наставления, как писать доклад. Просто предлагался список тем в пределах общей темы семинара и каждый выбирал, что ему нравилось. Следил Платонов за степенью «вчувствования» в избранную тему, за степенью мобилизации материала, за точностью аргументации, за композиционным построением.¹

По мнению Ульянова, Платонов был главой школы в русской историографии, которая стремилась освободиться от предвзятых точек зрения на русский исторический процесс и стала заниматься монографическим изучением отдельных сюжетов. В ученом стали ценить не историософские, не политические его настроения, а исследовательскую остроту, открытие новых фактов и искусство восстановления исторической картины на их основе, а не на отвлеченных умозритель-

ных спекуляциях. Платонов сделался как бы вождем и знаменем нового поколения.²

Студенческая работа Ульянова «Влияние капитала на колонизацию русского Севера в XVI-XVII вв.» была рекомендована печати С.Ф. Платоновым в докладе на конференции по русской истории в Берлине в 1928 г.³

После окончания университета Ульянов был вынужден в связи с централизацией аспирантского обучения поступить в аспирантуру РАНИОН (Российская Ассоциация Научно-исследовательских Институтов Общественных Наук), где он учился у С.В. Бахрушина и А.Е. Преснякова.

Одновременно с посещением семинара Платонова и учебой в РАНИОН, Ульянов учится на спецсеминаре профессора М.Н. Покровского и посещает Комакадемию.

В период с 1930 по 1933 г.г. Ульянов работает доцентом в Архангельском пединституте. Тематика работ этого времени посвящена в основном истории Русского Севера.

В 1933 г. Н.И. Ульянов возвращается в родной город и становится доцентом кафедры истории народов СССР Ленинградского института истории и лингвистики (ЛИЛИ), преобразованного вскоре в Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). В ЛИФЛИ на разных факультетах Ульянов читал лекции, вел спецкурсы, семинары — «Смутное время»⁴, «Феодальная Русь». Кроме ЛИФЛИ Ульянов работал и в других ленинградских учебных и научных заведениях: Историко-археографическом институте АН СССР, Военно-политической академии им. Н.Г. Толамачева и, конечно, после восстановления на историческом факультете Ленинградского государственного университета им. А.С. Бубунова.

К приходу Ульянова на кафедру истории России и народов СССР (позже она называлась кафедрой истории народов СССР) ЛИЛИ большинство работавших там представляли так называемое «марксистское» направление в науке и являлись учениками М.Н. Покровского. Отношения с ними у ученика Платонова сложились напряженные, особенно с М.М. Цвибаком (проработчиком Платонова по так называемому «Платоновскому делу» историков). Ульянов отстаивал позиции русской классической исторической науки. Так, в заметке студента Гришина в многотиражке ЛИФЛИ говорилось: «В списке литературы, рекомендованной проф. Цвибаком для подготовки к сессии, ос-

новым пособием является курс Покровского. Тов. Ульянов, который будет принимать зачеты, в беседе с некоторыми студентами сказал, что основной упор надо сделать на проработку таких трудов, как курсы Ключевского, Платонова».⁵

Начавшаяся после убийства Кирова компания по обезвреживанию «троцкистско-зиновьевского охвостья» совпала в исторической науке с исторической компанией против школы М.Н. Покровского. Поэтому многие члены кафедры, в том числе и заведующий, были уволены. На освободившееся место исполняющим обязанности заведующего кафедрой был назначен Ульянов. Одновременно ВАК утвердил молодого ученого исполняющим обязанности профессора, правда, с обязательной защитой докторской диссертации в течение двух лет.

Конечно, проще всего было бы обойти работы Ульянова этого времени, просто противопоставив их более зрелым трудам, написанным в эмиграции. Однако нельзя не заметить, что именно в дискуссиях 20-х годов сложилась та эрудиция в истории политической и правовой мысли, то умение видеть за частным историческим сюжетом целую историко-философскую проблему, которая будет характерна для него впоследствии.⁶

В юбилейном номере многотиражки ЛИФЛИ от 7 ноября 1935 г. появилась статья Ульянова под весьма символичным названием «Советский исторический фронт».

Здесь нужно сделать небольшое отступление. Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) о восстановлении преподавания гражданской истории в школе, принятое 16 мая 1934 г., было началом официального разоблачения школы М.Н. Покровского. Историки, принадлежавшие к ней (сам Покровский умер в 1932 г.), лишились командных постов в исторической науке и были большей частью уволены и репрессированы. К активной научной деятельности смогли вернуться такие историки, как Б.Д. Греков, К.Д. Базилевич, С.В. Бахрушин. Все это было выражением официальной политики в исторической науке, сменившей лево-марксистскую на национал-большевистскую ориентацию. Однако масштаб перемен был столь впечатляющ, что у многих рядовых участников событий могла возникнуть иллюзия, что они пойдут дальше, к свертыванию партийного контроля над исторической наукой. Очевидно подобные иллюзии разделял и, что было хуже всего, высказал Ульянов. Сам недавно предупреждавший своих подчиненных о том, что ни о какой «оттепели» на историческом фронте не может

быть и речи, Ульянов сам не избежал предсказанной им же опасности, выдав желаемое за действительное.⁸

«До знаменитого постановления партии и правительства о преподавании гражданской истории в средней школе, — писал в статье Ульянов, — наша историческая наука быстро шла к своему вырождению. Благодаря левацким элементам, засевшим в Наркомпросе, вокруг истории была создана атмосфера пренебрежительности и презрения, мотивированная неутилитарным характером этой науки. В такой атмосфере она могла только чахнуть, но не развиваться»⁹. Воздав должное деятельности историков-марксистов во главе с Покровским в их борьбе с буржуазной историографией, «этой злобно шипящей псевдонаукой», которую они «беспощадно топтали», Ульянов резонно замечал, что, что не все то, что «объяснимо и простительно во время напряженной борьбы, может поупряться после того как борьба кончилась». Забвение этой истины учениками Покровского, которые «после битвы» по-прежнему орудовали «шпагой и мечом» «с явным ущербом для науки» как раз и явилось, по его мнению, причиной ее крушения. Несмотря на очевидную для того времени смелость этих суждений, видеть в Ульянове образца 1935 г. противника марксизма едва ли возможно, хотя «платоновская» закуска в нем чувствовалась. Недаром коллеги Ульянова качестве отрицательной черты ученого указывали на свойственный ему академизм. Ульянов лишь неосторожно публично высказал то, что было на уме, а возможно, и на языке и многих других, правда, более осторожных коллег. Это был своего рода манифест обманувшегося поколения историков, уцелеть из которого удалось лишь немногим. В этом свете мы можем рассматривать дальнейшую судьбу Ульянова как выражение того, что могло дать поколение историков, если бы не попало под жернова плановой борьбы на историческом фронте.¹⁰

В 1936 г. Ульянова из-за этой статьи был арестован и осужден за «контрреволюционную деятельность, пропаганду и протаскивание антипартийных взглядов в печати». Пятилетний срок Ульянов отбывал на Соловках и в Норильске.

Вернулся Ульянов из лагерей перед самой войной и почти сразу же оказался на окопных работах под Москвой. В сентябре 1941 г. он успешно совершает побег из Дорогобужского лагеря для военнопленных и проходит по немецким тылам до предместий Ленинграда, где в Пушкине находит свою жену. Они скрываются в глухой деревушке,

где Ульянов учителем. Осенью 1943 г. супругов Ульяновых угоняют через Украину, как остарбайтеров, в Германию. Друг семьи Ульяновых, известный историк Г.В. Вернадский записал в своем дневнике: «Рассказывали м. пр. о насилиях и депортации в Украинских лагерях в Германии. Особенно ужасны бендеровцы»¹¹.

В Германии Ульянов попадает в Дахау, затем в концлагерь Карлсфельд под Мюнхеном. После окончания Второй мировой войны он с супругой оказывается в лагерях для перемещенных лиц. Затем они при помощи С.П. Мельгунова бегут через Италию в Касабланку (Марокко). В этот период жизни Ульянов не занимался научной деятельностью, перебивался случайными заработками, писал детективные романы для дешевых изданий, работал сварщиком на заводе Шварц-Омон, название которого послужило для псевдонима историка.

В конце сороковых годов, живя в Марокко, Ульянов постоянно посещает Париж, где завязывает контакты с выдающимися представителями русской эмиграции. Во Франции он знакомится с известным русским философом, в прошлом профессором Петроградского Университета Н.О. Лосским. Взгляды Лосского на украинский и белорусский сепаратизм оказали на него большое влияние.

Как вспоминает П.А. Муравьев, познакомившийся с Ульяновым на политической почве в рамках «Союза борьбы за свободу России», созданного в 1947 г. известным историком и публицистом С.П. Мельгуновым, «Н.И. Ульянов не стремился к текущей политической работе, он и к «Союзу» примкнул из-за высокого интеллектуального уровня его членов, выделявшегося среди эмигрантских политических организаций. Н.И. Ульянов занимался в «Союзе» серьезной культурной и идеологической работой»¹².

В 1953-1955 гг. по приглашению профессора Гарвардского университета М.М. Карповича, Ульянов живет в Монреале (Канада) и работает над темой по истории Украины XVI-XVII вв.

С 1956 по 1973 г. Ульянов был профессором Йельского университета в США, где преподавал русскую историю и литературу. В период жизни в Нью-Хевене Ульянов сближается с известным русским историком-евразийцем Г.В. Вернадским, бывшим до революции приват-доцентом Петербургского университета. И хотя Ульянов не становится евразийцем, дружба с Г.В. Вернадским сильно повлияла на его взгляды.

Творчество Ульянова, посвященное осмыслению истории, модно

условно разделить на несколько категорий: политологические аспекты национального вопроса в целом и, в частности, сепаратизма, собственно философия истории, философия культуры.

Тема сепаратизма в России занимает важное место в творчестве Ульянова. Он последовательно проводит идею о приоритете геополитической заданности над узконациональными причинами. Политическая схема развития сепаратистского движения в России такова: этнографическая автономия — национальная независимость — локальные территориальные претензии — создание «империй» от океана до океана. В последнем обычно обвиняются исключительно российские государственники вне зависимости от их национальной принадлежности. В то же время Ульянов прослеживает схожие процессы во взглядах финских, эстонских и татарских националистов (статьи «История и утопия», «К национальному вопросу»), у казаков («Казакия») и особенно у украинцев. «Государственно-политическая мысль, как только соприкасается с российской почвой, не в состоянии бывает удержаться от гигантомании. Ею фатально завладевает образ необъятного многонационального государства»¹³.

Сепаратизм во всем мире Ульянов делит на две категории: стремление к независимости реально существующих наций (баски, татары, узбеки, эстонцы, грузины, абхазы, ирландцы, тирольские немцы и т.д.), а также этнографических и региональных групп в целом не отличающихся от основной нации (техасцы, калифорнийцы, андалузцы, бургунды, провансальцы, гасконцы, баварцы, пруссаки, сицилийцы, поданцы (жители Италии севернее реки По) и т.д., к последней категории в России Ульянов относит украинцев, белорусов, сибиряков и казаков.

Самостийничеству Ульянов посвятил свою крупнейшую работу «Происхождение украинского сепаратизма» — единственную научную монографию на эту тему. Известный писатель и публицист из второй русской эмиграции В.Д. Самарин, так в 1985г. отзывался об идеях этого труда: «они нужны именно в наше время, когда по страницам книг, журналов, газет растекается мутная волна русофобства, когда понятие интернационального коммунизма подменяется понятием «русского империализма», когда Запад осуществляет полигику, направленную не против коммунизма, а против исторической России — политику грозящую всемирной катастрофой»¹⁴. Монографию можно разделить на три основные части: сепаратистские настроения в казац-

кой старейшины в XVII в.; возрождение малороссийского казакофильства в начале прошлого века; оформление идеологии самостийничества в конце XIX — начале XX вв. К этому труду примыкает множество статей, эссе, рецензий, научных работ Ульянова: «Русское и великорусское», «Русь-Малороссия-Украина», «Ажепророк», «Богдан Хмельницкий», «Шевченко Легендарный», «Один из забытых» и т.д.

Украинские самостийники выдумали ярлык «москальского фашизма», под который подгоняются взгляды и политика всех русских царей, А.Ф. Керенского, И.В. Сталина, русских историков и ученых XIX—XX в. и даже наших современников А.И. Солженицина и Д.С.Лихачева.¹⁵

Причем часто самостийники в своем сепаратизме доходят до кощунства. Украинская автокефальная церковь причислила атеиста Т.Г. Шевченко к лику святых угодников. А в изданном этой церковью «Молитовнике» (Мангейм, 1945) все имена греко-римских и библейских святых, ставшие за тысячу лет своими на Руси и общеевропейскими, «заменены обыденными простонародными кличками — Тимошь, Василь, Гнат, Наталка, Горпина, Полинарка. В последнем лишь с трудом можно опознать св. Аполинарию. Женские имена в «Молитовнике» звучат особенно жутко для православного уха, тем более, когда перед ними значатся «мученицы» или «преподобная»: Святые мученицы Параська, Подоська, Явдоха. Не успевает православный человек подавить содрогание, вызванное такой украинизацией, как его сражают «святыми Яриной и Гапкой». Потом идут «мученицы Палажка и Юлька» и так до преподобной Хиври»¹⁶.

Не останавливаются сепаратисты даже перед грубейшими, неслыханными искажениями памятников древней письменности. Так, у эмигрантов-украинцев, пишет Ульянов, вошло в правило при цитировании «Повести временных лет» и других летописей заменять понятия «Русь», «русская земля», «русские» на термины «Украина», «украинское».¹⁷ Как и древнерусские летописи, такая же судьба в сепаратистской прессе постигает и «Слово о полку Игореве» и «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, и даже паломничество игумена Даниила в Святую Землю «откорректировано». В знаменитом диалоге, где король Иерусалимский разрешает монаху поставить лампаду на гроб господень, тот ставит «не только за себя и за свои грехи, а за всю землю русскую». У самостийников же вместо последнего слова — «украинскую». «Что бы сказали французы, — вопрошает Ульянов, если бы в «Песне о Роланде» все слова «Франция» были заменены на Гасконь»¹⁸.

Нельзя безнаказанно издеваться над культурой, а когда это делается в политических целях — это преступно. В XX в. мировой трагедией закончились фарсы, разыгранными Б. Муссолини и А. Гитлером, когда современные буржуа, лавочники и пролетарии задумали, напялив тоги древних сенаторов и украсив себя рунами и свастиками древних германцев и ариев, поиграть в «римскую империю» или «третий рейх». «Столь же недостойный фарс разыгрывают самостийники, модернизируя Киевскую Русь, зачисляя князей в запорожцы, изображая св. Владимира с моржовыми усами, с чубом, в широченных шароварах, и объявляя всю древнерусскую украинской культурой»¹⁹.

В творчестве Ульянова важное место занимает философия истории. Этой теме посвящена, прежде всего, небольшая работа «Соблазны истории».

Как совершенно верно заметил московский исследователь В.Э. Багдасарян: «В рассмотрении истории как особой дисциплины у Ульянова довольно резко выражены релятивистские тенденции в ее оценке, что не совсем характерно для отечественной историографии и скорее является исключением в истории русской исторической мысли»²⁰.

Ульянов разделял всю историческую науку на две сверхтенденции. Одну обычно связывают с итальянским философом XVIII в. Джамбатистой Вико. Вико в своем исследовании «Основание новой науки об общей природе наций» стал трактовать развитие человеческого общества, как повторяющиеся циклы: эпоха богов, эпоха героев, эпоха людей. Эта была первая попытка обобщающего взгляда на историю, от которой пошла, как считал Ульянов, все позднейшие универсальные схемы истории вплоть до позитивизма, марксизма и т.д.

Ульянов не только склонялся к отрицанию такого подхода, но и вообще ставил под сомнение применение таких терминов, как «законы истории», «причинно-следственная зависимость», «цивилизации», «формации», «идеальные типы» и т.д. При рассмотрении истории как особой дисциплины у него довольно резко были выражены тенденции отрицания панлогизма, как метода исторического исследования. Ульянов подчеркивал: «никому не удалось сформулировать ни одного закона истории». Объектом исторического исследования является человек, его субъективное сочетание ума, воли, желаний, побуждений этического, религиозного, культурного характера, которые делают невозможными никакие «закономерности». Попытки переноса законов естественных и физико-математических наук на исторический процесс

заранее обречены на провал, так как все они основаны на принципе повторяемости явлений и могут быть повторены или проверены путем эксперимента. Историк же, утверждал Ульянов, никакого эксперимента позволить себе не может.²¹

Не существует в истории и повторений. Выражение «история повторяется» придумано не историками, а «безответственными мыслителями»²². Ульянов любил цитировать французского мыслителя Ж. де Местра: «историческое есть качество единственное». Сторонники закономерностей исключают этот тезис и рассматривают историю не с индивидуализирующей, а с обобщающей точки зрения, т.е., по Ульянову, искажают.

Сам Ульянов склонялся к другой тенденции гегемонии исторического факта: если факты не подтверждают теорию, то тем хуже для теории, а не для фактов. «Понятие о нем составляется на основании письменных или археологических источников, часто очень скудных. Даже если их много, они никогда не дают полной и точной картины реального события»²³.

Основателем этой тенденции был итальянский мыслитель XV в. Лоренцо Валла, доказавший в особом трактате подложность «Константинова дара» — грамоты, будто бы выданной императором Константином I, на основании которой римские папы считали себя светскими государями в Италии. Именно это открытие положило начало выделению истории из сомна изящных искусств, философских и религиозных упражнений. В нем восторжествовала идея утверждения факта как носителя исторической истины.²⁴

Сторонники точки зрения законов истории всегда восставали против гегемонии факта, объясняя свой протест тезисом: «накапывать факты бессмысленно — над ними нужно размышлять». Но каждый исследователь знает, что известные ему факты окружает море неизвестности. Каждый вновь открытый факт может кардинально изменить саму тему, не говоря уже о проблематике «размышлений» над историей. Все научные открытия XVII-XX вв. были сделаны в области истории и истории отдельных стран при помощи методов фантастического поиска. Ульянов считал, что факты можно узнавать и выявлять при помощи вспомогательных наук: «появились источниковедение, началась разработка архивов, издание документов и рукописных материалов, привлечены вспомогательные дисциплины — археология, нумизматика, эпиграфика, сфалистика»²⁵. Можно было бы еще добавить к

перечню Ульянова книговедение и библиографоведение.

В отечественной общественной жизни традиция обобщения исторического процесса началась, по мнению Ульянова, еще в XIX в. «В России первым подобную историософскую схему выдвинул человек клерикально-католических взглядов, хотя и православный по крещению, кумир нашей «прогрессивной интеллигенции» П.Я. Чаадаев. Исследовательское начало объявлено им ненужным, вредным, отвлекающим разум от «истинных поучений». Истории в наши дни делать нечего, кроме как, размышлять»²⁶.

Отрицая полезность поиска новых фактов, Чаадаев сам себя высмеял. В это время только началось изучение египетских иероглифов и ассирийской клинописи, мир еще не знал ни об ахеменидской Персии, ни о цивилизациях доколумбовой Америки, ни о государствах Древних Индии и Китая.

Все великие открытия исторической науки были еще впереди, а наш великий философ объявил их ненужными. «История для Чаадаева, — писал Ульянов в «Соблазнах истории», — не загадка, не тайна, а нечто непознанное в своей сущности». Как для коммунистов все непреложные законы открыты Марксом и неизбежно ведут к коммунизму, так и у Чаадаева человечество идет к царству Божию, и задача историка сводится к созерцанию божественной воли: «властвующей в веках и ведущей человеческий род к конечным целям».²⁷

Самыми величайшими публицистами (термин Ульянова) являются марксисты. Единственный до 1917 г. в рядах РСДРП(б) профессор М.Н. Покровский провозгласил «История есть политика, опрокинутая в прошлое». Ему же принадлежит и другой лозунг: «История самая политическая из всех наук». Оба лозунга делают ненужным ее изучение. Она укладывается в готовую политическую схему. Сам Покровский так и предлагал свести историю к данным на листке календаря, а все остальное место в учебниках и монографиях занять рассуждениями о правильности марксистской экономической теории. Конкретные факты можно представлять до бесконечности, лишь бы они оправдывали теорию. Под влиянием таких идей большевики отменили в двадцатые годы историю и вместо нее стали преподавать обществоведение. Вскоре, правда, восстановили, но время от времени ее изменяли. Метод Покровского в истории был удачно высмеян Д. Оруэллом в романе «1984», где прошлое менялось каждый год в зависимости от политической конъюнктуры, но вместе с ним менялись и все источники.

В конце XIX — в начале XX вв. В России сложилась новая мистическая гносеология, провозглашавшая возможность знания без посредства какого-то ни было изучения, каких бы то ни было рассуждений и выводов, знания внутреннего, возникавшего без помощи внешних чувств. Эта новая теория породила плеяду «вольных философов» типа Бердяева, Мережковского, Степуна, Федотова, Ильина. Изучение истории они заменили интуитивным «постижением». В тайны истории они мнили проникнуть интуитивно, мистически, глубже, чем посредством знания. История становится не средством утоления жажды знания, а желанием получить ответ на волнующую тему. Так, додумались до связи «Третьего Рима» с Третьим интернационалом, давшую им право объявить Россию извечным носителем идеи коммунизма и мирового господства. Так установили духовное родство Петра Великого с Лениным и Сталиным.²⁸ Никому только не пришло в голову научно, монографически исследовать эти «проклятые» вопросы.

Ульянов отмечал, что в период третьей эмиграции вместо научных работ, вносящих новый материал или хотя бы новые точки зрения, появилась тенденция писать водянистые общие обзоры от Рюрика до Ленина и возросла страсть к вольным суждениям, отмеченным знаком необъективного познания минувшего, а политическими страстями и спекуляциями нашего времени. В жаркие политические дискуссии превращается любой спор на историческую тему. «Погибла ли Россия», «Является ли СССР Россией» — вот любимые темы людей, которые никаких исторических работ не писали, новых источников и идей не приносили. История для них — прикладная наука, которая должна объяснить настоящее и будущее, а если историю ничему не учит, значит она является собранием занимательных рассказов и жизнеописаний знаменитых людей. В таком представлении история превращается в раздел изящной словесности со специальным интересом для психиатров и психологов. Против такой точки зрения Ульянов выступал во всех своих работах. В «Соблазнах истории» есть замечательный абзац, который нужно процитировать: «Распространена манера «осмыслять» современность через историю; ищут виновников теперешних бедствий не в настоящем, а в прошлом, иногда очень далеком. Упускается из вида неперемное условие: — хорошо знать свою эпоху, это все равно, что увидеть Монблан, стоя у его подножия. Каждая эпоха открывается не современниками, а поздним поколением. Современники меньше всего имеют право делать о ней какие-либо

заклучения. Недаром в дореволюционных университетах диссертации на темы совсем недавнего прошлого не допускались к защите»²⁹.

Кроме научной стороны история у Ульянова трактуется как специфический вид духовного творчества, своеобразный мост между искусством и точными науками. До того как стать наукой, считал Ульянов, история была поэзией. В дописьменную эпоху во времена Гомера и Баяна излагалась она в стихах. В Древней Греции история находилась не под ведомством Афины (богини мудрости и научного знания), а Апполона, а позже ей отводилась особая муза — Клио. До XIX в. европейцы относили историю к числу изящных искусств. Императрице Елизавете Петровне хотелось слышать «Историю России» М.В. Ломоносова именно из-за его литературных талантов («штиля»), а не из-за его познаний в этой области. П.Н. Милоков считал, что сам Н.М. Карамзин в звании историографа продолжал оставаться поэтом, а его «История Государства Российского» задумывалась и создавалась как литературное произведение.

Завершить статью о взглядах Ульянова нужно цитатой его учителя академика С.Ф. Платонова: «История же есть наука изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных человеческих обществ и всего человечества».³⁰ Можно утверждать, что под этим определением подписался бы и сам Ульянов.

Примечания

¹ Ульянов Н. С.Ф. Платонов // Спуск флага. New Haven, 1979. С. 126.

² Там же. С.127.

³ Платонов С.Ф. Проблема русского Севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927-1928гг., Вып. 35. Л., 1929. С. 113.

⁴ Дейч Г.М. Записки советского архивиста. М., 1996. С. 2.

⁵ Гришин. Необходимо внести ясность // За пролет.кадры. 1935. 4 янв.; №1(76). С.2.

⁶ Брачев В.С., Лавров А.С. Ульянов Н.И. — историк России // Вестн. СПбГУ. 1993. сер. 6. вып. 4(27). С. 130.

⁷ Ульянов Н.И. Советский исторический фронт // За пролет.кадры.

1935. 7 нояб.; №20(94). С.2.
- ⁹ *Брачев В.С., Лавров А.С.* Ульянов Н.И. — историк России.
- ⁹ *Ульянов Н.И.* Советский исторический фронт. С. 2.
- ¹⁰ *Брачев В.С., Лавров А.С.* Ульянов Н.И. — историк России.
- ¹¹ *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998. С. 431.
- ¹² *Муравьев П.А.* С болью о России // Бежин луг. 1994. №1. С. 130.
- ¹³ *Ульянов Н.* Платонов С.Ф. // Спуск флага. New Haven, 1979. С. 71.
- ¹⁴ *Служение России (Памяти Н.И. Ульянова)* // Вече. 1985. №18. С.195.
- ¹⁵ *Науменко Н.* Солженіцин кує нам нові кайдани // Шлях перемоги. 1990. 7 жовтня. С. 1-2.
- ¹⁶ *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966. С.268.
- ¹⁷ *Ульянов Н.И.* Русь-Малороссия-Украина // Рос.демократ. Париж, 1953. №2(С6.23). С. 58.
- ¹⁸ Там же. С. 58.
- ¹⁹ Там же. С.5 9.
- ²⁰ *Багдарян В.Э.* Исторические взгляды Н.И. Ульянова: Автореферат... канд.ист.наук. М., 1996. С. 66.
- ²¹ *Ульянов Н.И.* Соблазны истории // Скрипты. Анн Арбор, 1981. С. 66.
- ²² Там же. С. 67.
- ²³ Там же. С. 66.
- ²⁴ Там же. С. 70.
- ²⁵ Там же. С.70.
- ²⁶ Там же. Об отношении Н.И. Ульянова к П.Я. Чаадаеву и его взглядам на историю. См. также: «Басманный философ». (Мысли о Чаадаеве) // Вопр.-философии. 1990. №8. С.75-89; Мысли о П. Чаадаеве // Опыты. Нью-Йорк, 1957 №8. С. 50-72.
- ²⁷ *Ульянов Н.* Соблазны истории... С.68.
- ²⁸ *Ульянов Н.И.* Петровские реформы // СПб панорама. 1992. №5. С. 4; Позорный рецидив / / Спуск флага. New Haven, 1979. С.78; Соблазны истории // Скрипты. Анн Арбор, 1981. С. 65-66.
- ²⁹ *Ульянов Н.* Соблазны истории... С.68
- ³⁰ *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 39.

© П.Н. Базанов, 1999